

ПРЖИ ГАЙЕК

(ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

ЗАХВАТ ФАШИСТСКИМИ АГРЕССОРАМИ ЧЕХОСЛОВАКИИ В МАРТЕ 1939 ГОДА

Оккупация гитлеровцами Чехословакии 15 марта 1939 г. означала новый шаг на пути развязывания второй мировой войны. Буржуазные историки немало потрудились над тем, чтобы снять с правительств Англии, Франции и США ответственность за это новое преступление немецкого фашизма, ускорившее начало второй мировой войны. Однако анализ исторических фактов убедительно показывает, что и этот последний этап гитлеровской агрессии против Чехословакии явился результатом взаимодействия тех же сил, которые в 1938 г. подготовили Мюнхен, а именно: германского фашизма, английского, французского и американского империализма, которым содействовала чешская и словацкая буржуазия.

После Мюнхена гитлеровцы навязали свое господство более чем миллиону чехов и сразу же начали проводить в оккупированной части Чехословакии политику германизации и физического истребления населения. Новые границы были намечены таким образом, чтобы полностью устранить возможность самостоятельного существования неоккупированной части Чехословакии. На отторгнутой территории добывалось более половины чехословацкого угля. Там же производилась значительная часть электроэнергии, металла, химических изделий и предметов легкой промышленности. Тем самым германские монополии устраняли конкуренцию развитой чехословацкой промышленности и превращали оставшуюся территорию Чехословакии в экономический придаток Германии. Новая граница перерезала основные транспортные магистрали и сделала невозможной экономическую консолидацию оставшейся территории, а также и ее защиту от возможного военного вторжения.

Последствия захвата пограничных районов, сказавшиеся прежде всего на положении чешских трудящихся, затронули отчасти и чешскую буржуазию. Под сильным давлением германского капитала ей сразу же пришлось выпустить из своих рук то, чем она завладела в пограничных районах в течение последних 20 лет в ходе острой конкурентной борьбы с немецкой буржуазией. Пострадали и те слои буржуазии, которые были связаны с экспортными отраслями промышленности и ориентировались на торговлю с западными странами. Однако наиболее реакционная группа чешской буржуазии — Живностепский банк и аграрный и промышленный финансовый капитал, представляемый на политической арене Бераном и Хвалковским, — ориентировалась на то, чтобы компенсировать понесенные потери за счет тесного сотрудничества с Германией, используя военную конъюнктуру и доходы от грабежа других стран. В то же время эта группа не теряла надежду удержать каким-либо образом связи с Западом и сохранить таким путем свои позиции независимо от исхода приближающегося военного столкновения. Реакционная крупная чешская буржуазия стремилась использовать национальную катастрофу для того, чтобы установить фашистскую диктатуру и укрепить свое классовое господст-

во, которому серьезно угрожало мощное народное движение в защиту республики и демократических прав народа, развернувшееся в стране накануне Мюнхена.

Коммунистическая партия Чехословакии характеризовала позицию буржуазии своей страны после Мюнхена следующим образом: «Чехословацкая буржуазия раскрывает сейчас темные стороны своей души. В то время как одна ее часть покорно принимает гитлеровский ультиматум, не проявляя стремления прекратить на каком-то рубеже роковое отступление, в то время как различного рода трусливые элементы бросают знамя демократии и начинают ориентироваться на Берлин, другая ее часть — реакционная крупная буржуазия — поднимает голову и стремится непосредственно служить гитлеровской Германии. Различного рода авантюристы думают о том, как бы им навязать диктатуру своему собственному народу, а различного рода провокаторы помышляют о том, как бы им вызвать и усилить хаос внутри республики в тот момент, когда Гитлер стоит у ее ворот»¹.

Чешская буржуазия использовала гитлеровскую угрозу, чтобы запугать демократические силы и полностью подавить сопротивление чешского и словацкого народов. Если в других странах реакция боролась за установление фашистской диктатуры под лозунгами воинствующего национализма и шовинизма, то чешский фашизм после Мюнхена не мог даже заикнуться о «величии нации»: он шел к власти среди руин независимости и самостоятельности своей страны.

В ноябре 1938 г. лидеры аграриев, партии национального объединения, партии мелких предпринимателей, народной (католической) партии и партии национальных социалистов (бывшей партии Бенеша) при участии ряда фашистских и профашистских групп приняли решение о создании так называемой партии «национального единства». Эта партия выдавала себя за «движение творческого национализма». Реакционный характер проводимой ею политики национального предательства она стремилась прикрыть рассуждениями о «духе святовацлавской традиции» (т. е. о национальном единстве). Руководство новой партии было сосредоточено в руках представителей бывшей аграрной партии, тесно связанной с наиболее реакционными группами финансового капитала.

Бенеш, сыгравший столь роковую роль в период принятия мюнхенского ультиматума, теперь уже не устраивал представителей финансового капитала и своих прежних сотрудников из рядов буржуазии. Он отказался от поста президента республики и удалился в эмиграцию на Запад, преданным сторонником которого он оставался и после Мюнхена².

Все политическое и моральное ничтожество чешского фашизма было воплощено в личности нового президента Гахи — человека, глубоко проникнутого духом старой, довоенной Австрии, послушно выполнявшего все приказы Берлина. Ведущим политическим деятелем фашистского режима был также лидер аграрной партии Беран, который еще до Мюнхена в беседах с немецким посланником и генлейновскими лидерами заявлял, что он стремится к искоренению марксизма, и просил немецких фашистов поддержать его в этой борьбе. Министром иностранных дел стал бывший посланник в Риме Хвалковский, выступавший ранее за профашистскую ориентацию чехословацкой внешней политики, провозгласивший своим кредо «политику смирения»³.

¹ K. I. Gottwald. Spisy, t. VIII. Praha, 1953, str. 260—261.

² Об этом свидетельствует, в частности, сообщение, направленное им 27 января 1939 г. пражскому правительству, в котором он призывал последнее ориентироваться на западный империализм. «Победа Запада,— писал он,— является единственной возможностью, которая позволила бы вновь провести социальную консолидацию Европы с помощью Англии и Америки и воспрепятствовать полному хаосу и социальному разложению».— E. Beneš. Paměti, str. 84

³ «Rozsudek nad Beranem a Syrovým» (хранится в Институте истории партии при ЦК КПЧ), str. 208.

Новое правительство, непопулярное и ненавидимое народом, сосредоточило свои усилия на борьбе с революционным демократическим движением: 21 октября 1938 г. деятельность коммунистической партии была ограничена, а 27 декабря 1938 г. совсем запрещена. Представители коммунистической партии в парламенте и в органах самоуправления были лишены своих мандатов. Начались усиленные гонения на коммунистов.

Наряду с фашистской партией «национального единства» было разрешено также создание национальной партии труда, возглавляемой лидерами бывшей социал-демократии. Новые правители Чехословакии не считали возможным допустить правых социалистов в ряды правящей фашистской партии. Реакционная буржуазия вместе с тем стремилась использовать их услуги, чтобы обмануть народ, который продолжал выступать против фашизма. Но руководители партии труда, связанные многочисленными узами с буржуазными лидерами фашистского толка, не пользовались в рабочих массах достаточным авторитетом, они не могли помешать процессу объединения рабочего класса. Левые, подлинно социалистические силы внутри партии вступали с коммунистами в боевой антифашистский союз.

Профашистский режим, который был навязан после Мюнхена Чехословакии, не пользовался в массах никакой поддержкой. Народ, неоднократно проявлявший в течение 1938 г. стремление защищать свою свободу, был предан, но не побежден. Его борьбу возглавляла коммунистическая партия. Несмотря на все преследования, проводимые не только чешской и словацкой полицией, но и непосредственно гестапо, которое с октября 1938 г. в соответствии с официальным соглашением начало действовать на территории Чехословакии, коммунисты и в условиях подполья продолжали борьбу против фашизма. 8 октября 1938 г., сразу же после Мюнхена, ЦК КПЧ обратился ко всем членам партии, к широким массам трудящихся с призывом не сдаваться, продолжать борьбу против захватнических устремлений гитлеровцев, в защиту демократических свобод⁴.

В результате Мюнхена чешская буржуазия вынуждена была также отказаться от своего господства в Словакии. После провозглашения так называемой словацкой автономии власть в Словакии полностью перешла в руки фашистской людяцкой клики (клерикальная фашистская партия Глинки). При этом, однако, чешская буржуазия рассчитывала, что экономически слабая словацкая буржуазия вынуждена будет в конечном счете опереться на чешский капитал и вернуть ему потерянные им позиции. Поэтому ей не очень мешал развернувшийся в Словакии после Мюнхена процесс фашизации, сопровождавшийся проявлениями античешской клерикальной демагогии. Еще 6 октября 1938 г. на основе так называемого Жилинского соглашения партия Глинки объединила под своим знаменем все буржуазные политические партии, провозгласила автономию Словакии и взяла в свои руки руководство словацким автономным правительством. В Закарпатской Украине власть захватила группа фашиствующих украинских националистов, которая стремилась завоевать себе симпатии гитлеровцев, организуя шовинистические кампании и проповедуя бредовые планы завоевания Советской Украины.

Таким образом, Чехословакия после Мюнхена превратилась в разношерстный конгломерат, все три части которого были лишь формально объединены в рамках Федерации.

Гитлеровская Германия, бесцеремонно вмешивавшаяся в дела всех этих трех районов, поддерживала сепаратистские тенденции словацких и закарпатских фашистов, выступая в то же время за временное сохранение искалеченного в Мюнхене чехословацкого государства. Гитлеровцы в конце 1938 г. не хотели, чтобы Словакия и Закарпатская Украина были поделены между венгерскими и польскими фашистами, которые стремились

⁴ Kl. Gottwald. Spisy, t. VIII, str. 264.

к этому и пытались даже заручиться согласием западных держав. Гитлеровцы рассчитывали превратить послемиюнхенскую Чехословакию в коридор для своего дальнейшего продвижения на Восток. Временно мирясь с существованием чехословацкого государства в определенных Мюнхеном рамках, гитлеровцы вместе с тем надеялись, что участие словацких фашистов в центральном чехословацком правительстве приведет к еще большему его ослаблению, сделает это правительство еще более уступчивым по отношению к германским требованиям, ускорит и облегчит полный разгром и уничтожение Чехословакии.

Германский фашизм использовал все средства, чтобы помешать консолидации оставшейся территории Чехословакии и с помощью новых провокаций терроризировать чехословацкий народ и буржуазное правительство. Тенденция к этому проявилась еще в период мюнхенского сговора.

По Мюнхенскому соглашению пограничные районы Чехословакии должны были быть эвакуированы до 10 октября. Первые четыре зоны, определенные в Мюнхене, были заняты германской армией к 7 октября. Границы пятой зоны должны были быть утверждены до 10 октября международной комиссией, действовавшей за спиной чехословацкого народа. Она присвоила себе право определять размеры территории, на которой должен был быть проведен плебисцит. Эта комиссия получила также право утвердить отклонение от этнографического принципа при установлении новой границы. В Мюнхене было решено, что в состав комиссии будут входить статс-секретарь германского министерства иностранных дел Вейцеккер, послы Англии, Франции и Италии в Берлине, а также представитель чехословацкого правительства (на этот пост был назначен чехословацкий посланник в Берлине Мастный). Председателем комиссии стал Вейцеккер, получивший от Гитлера указание провести границу пятой зоны строго в соответствии с наглыми предложениями, выдвинутыми Гитлером в Годесберге ⁵.

Представители западных держав в созданной комиссии поддержали по всем спорным вопросам германскую точку зрения, выступая против предложений Чехословакии. Гитлеровцы требовали присоединения всех территорий, на которых по данным австрийской переписи 1910 г. (а эти данные были фальсифицированы) проживало свыше 50% населения, пользующегося в повседневной жизни немецким языком. Чехословацкий делегат предлагал взять за основу перепись 1930 г. и территорию, на которой проживало не менее 75% коренных немцев. Но делегаты западных держав заключили секретное четырехстороннее соглашение, предусматривавшее принятие немецких требований, и предложили его чехословацкому делегату в виде нового ультиматума ⁶. Пражское правительство путем секретных переговоров попыталось обеспечить себе поддержку Соединенных Штатов. Однако американское посольство в Праге ответило, что правительство США не может вмешиваться в осуществление Мюнхенского соглашения ⁷. Все это свидетельствовало о том, что западные державы неуклонно проводили мюнхенский курс, направленный на сговор с германским фашизмом, с целью подтолкнуть гитлеровцев на войну против Советского Союза.

С помощью грубого насилия и при попустительстве западных держав Германия захватила ряд городов и населенных пунктов, в которых большинство составляло чешское население; жители этих районов посылали петиции протеста и намеревались обратиться к правительствам западных держав. Однако чехословацкое министерство иностранных дел, боясь рас-

⁵ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945» (далее — DGFP), Ser. D, vol. IV. London, 1951, № 12, p. 15.

⁶ DGFP, vol. IV, № 24, 25, p. 27—30; № 30—33, p. 32—35.

⁷ Archiv ministerstva zahraničních věcí (далее — AMZV). Kabinet, 1938, № 3373, 3402.

ширения народного движения, дало указание министерству внутренних дел помешать подобного рода выступлениям.

По требованию Гитлера международная комиссия приняла 13 октября решение о том, что плебисцит проводится не будет⁸. Нацисты не без основания опасались, что плебисцит мог бы окончиться для них неудачей.

Комиссия услужливо определила наиболее благоприятную для Германии границу, не считаясь с этнографическим принципом; но как только комиссия 13 октября прервала на неопределенное время свою работу, гитлеровцы захватили еще ряд районов с чисто чешским населением — часть Ходского района, Северной Чехии, Северной Моравии, районов Бржецлав и Йиндржихув Градец. И без того несправедливая по отношению к чехам граница была нарушена более чем в 300 местах. Представители чехословацкого правительства в начале ноября попытались договориться по этим вопросам непосредственно с немцами. Однако немецкие представители получили от Гитлера приказ ничего не возвращать чехам. Отдельные исключения могли быть сделаны лишь в тех районах, где проживало не менее 90% чехов. В случае если бы чехи попытались что-либо возразить против такого решения, гитлеровские представители должны были им пригрозить, что фюрер воспримет это как личное оскорбление и тогда дело может окончиться еще значительно хуже⁹.

В обстановке террора чехословацким делегатам были навязаны новые территориальные германские требования, которые на этот раз уже не были облечены в форму международного соглашения. Вершиной лицемерия и наглости было заявление гитлеровских представителей о том, что эти притязания носят крайне умеренный характер и что Гитлер в интересах мира будто бы идет на значительные жертвы, не требуя большего, т. е. передачи Германии Брно, Йиглавы, Будеёвиц и Оломоуца¹⁰, — городов либо с огромным преобладанием чехов, либо населенных немцами (например, Йиглава), но окруженных территориями, на которой проживали чехи.

Это новое унижение не встретило сопротивления со стороны пражского правительства. Оно лишь трусливо отметило, что «принимает к сведению» отказ имперского правительства «от намерения выдвигать дальнейшие требования» и предполагает, что «теперь ничто не мешает тому, чтобы Германия гарантировала новые и окончательные границы чехословацкого государства». Но и это весьма робкое замечание было отвергнуто Риббентропом. Он поручил заявить чехам, что немецкое правительство не отказывается ни от каких требований, а вопрос о гарантиях зависит от развития политических событий¹¹.

Международная комиссия на заседании 21 ноября полностью санкционировала произвол гитлеровцев. Последние теперь уже не нуждались в ней, и поэтому на заседании 21 ноября представитель Гитлера добился от своих партнеров согласия на прекращение работы комиссии. Когда чехословацкий представитель попытался выступить с возражениями, гитлеровский уполномоченный прервал его, заявив, что попытка опереться в противовес Германии на другие державы, участвовавшие в Мюнхенском соглашении, не отвечала бы интересам Чехословакии¹².

Для дальнейшего ослабления Чехословакии гитлеровская Германия использовала также территориальные претензии хортистской Венгрии. Еще в период Мюнхена Хорти, поддерживаемый германской дипломатией, выступил с требованием присоединения к Венгрии значительной части Словакии и Закарпатской Украины. Под давлением Гитлера и западных держав Чехословакия 1 октября согласилась обсудить и эти вопросы. После Жилинского соглашения от 6 октября фашисты Глинки присвоили себе

⁸ DGFP, vol. IV, № 56, p. 63—66.

⁹ DGFP, vol. IV, № 101, 102, 108, p. 129—132, 137—138.

¹⁰ DGFP, vol. IV, № 110, p. 138—140.

¹¹ DGFP, vol. IV, № 114, 116, p. 144.

¹² DGFP, vol. IV, № 135, p. 163.

право выступать от имени Чехословацкой республики и словацкого народа, на территорию которого претендовали хортисты. Пражское правительство выразило согласие с этими действиями глинковцев. Во время переговоров хортисты выдвинули максимальные требования, добиваясь уступки им некоторых районов Словакии. Требования Хорти поддержали Муссолини и польские правители.

Гитлеровцы использовали переговоры между хортистами и Глинкой для того, чтобы натравить друг на друга чехов и словаков и тем еще более ослабить Чехословакию, не позволяя в то же время чересчур усилиться своим союзникам. Гитлер 14 октября в своей беседе с Хвалковским прямо приказал ему удовлетворить хортистские притязания. Когда Хвалковский возразил, что пражское правительство по требованию Берлина предоставило широкое права словацкому автономному правительству, которое ведет по этому вопросу переговоры, Гитлер раздраженно заявил, что в области внешней политики последнее слово все же должно принадлежать пражскому правительству¹³. В то же время гитлеровские заправилы вели непосредственные переговоры со словацкими фашистами. 17 октября Геринг и Риббентроп приняли словацких министров. Геринг подстрекал словаков к отделению от чехов, а Риббентроп обещал поддержать их в стремлении сохранить Братиславу, Нитру, Кошице и некоторые другие города¹⁴. Вместе с тем гитлеровское правительство заверяло Хорти, что оно с полным пониманием относится и к его требованиям и будет их поддерживать¹⁵. При этом, однако, Гитлер дал Хорти понять, что он пока что не позволит ему захватить всю Словакию и Закарпатскую Украину, так как во время сентябрьских событий 1938 г. Венгрия не была готова безоговорочно обеспечить ему вооруженную поддержку.

Таким образом, как Хорти, так и словацкое правительство считали, что Германия их поддерживает.

В конце концов Германия и Италия, боясь, что происходившие споры будут использованы Англией и Францией, решили по взаимной договоренности положить конец пререканиям. 3 ноября 1938 г. Риббентроп и Чиано продиктовали свои условия раздела спорных территорий (так называемый Венский арбитраж). Хортисты получили значительную часть словацкой и украинской территорий, что в еще большей степени нарушило связь восточной части республики с Прагой.

Чешская буржуазия убедилась, что даже самое низкое пресмыкательство и уступчивость по отношению к Гитлеру не могли предотвратить новые акты агрессии со стороны Германии. Тем не менее она продолжала свою прежнюю политику. Об этом свидетельствовали и переговоры министра иностранных дел Чехословакии Хвалковского с Гитлером и Риббентропом 13—14 октября 1938 г. Хвалковский, презрительно отзываясь о домюнхенской Чехословакии, униженно благодарил Гитлера за то, что он будто бы удовлетворился лишь тем, что было отнято у Чехословакии в результате Мюнхена. Хвалковский подчеркивал, что полностью хочет выполнить все желания Берлина, и просил предоставить чехословацкому правительству «срок для исправления». Но у Гитлера на все это был лишь один циничный ответ: Чехословакия должна понять, что она полностью входит в состав германской сферы влияния. Только при этом условии Германия, возможно, позволит чехам продолжать существовать. Однако для этого Чехословакия должна доказать, что она не собирается вернуться на старый путь и полностью отказывается от всех стремлений добиться независимости¹⁶.

¹³ DGFP, vol. IV, № 61, p. 72.

¹⁴ DGFP, vol. IV, № 69, p. 82—83; № 72, p. 86—92.

¹⁵ DGFP, vol. IV, № 62, p. 73—77.

¹⁶ DGFP, vol. IV, № 55, p. 60—63; № 61, p. 69—72.

Во время следующей встречи в Берлине, в январе 1939 г., Гитлер снова выразил свое неудовольствие. Хвалковский на этот раз вел себя еще более позорно. Разговор начался с униженной просьбы последнего сообщить ему все пожелания Германии, которые он как министр чехословацкого правительства готов осуществить. Но Гитлер обрушился на него с упреками в неблагодарности чехов, которые не хотят примириться со своей судьбой и якобы интригуют против Германии. Он потребовал от чехословацкого правительства полностью подчинить Германии не только внешнюю, но и внутреннюю политику, установить расовую дискриминацию и усилить преследование прогрессивных сил¹⁷.

Пражское правительство поторопилось выполнить эти требования Гитлера. 24 января было подписано соглашение, по которому Германия получила право в любое время использовать чехословацкие железные дороги для перевозки своих войск. Вскоре после этого Чехословакия отказалась от своих прав в международной комиссии по вопросам судоходства по Эльбе. Правительство признало фашистский режим Франко в Испании и усилило террористические меры, направленные против коммунистов. В профсоюзах были установлены бюрократические фашистские порядки. Правительство предоставило полную свободу действий организациям нацистской партии на территории Чехословакии. По приказу из Берлина была осуществлена реорганизация руководства армии. Были устранены все лица, которые не устраивали нацистов. Нацисты добились также соглашения пражского правительства на передачу им части золотого запаса Национального банка в обеспечение кредитных билетов, захваченных ими в пограничных районах.

Гитлеровские гражданские, полицейские и военные власти вмешивались во все без исключения области государственной и национальной жизни, не считаясь с интересами Чехословакии и с международными договорами, заключенными по требованию самой же Германии и подписанными ею. К этому присоединялись провокационные выступления нацистов внутри Чехословакии. Несмотря на то, что в чешских землях осталось всего 240 тыс. немцев, т. е. втрое меньше, чем чехов, подпавших под власть Гитлера, нацисты требовали предоставить этим немцам особые привилегии. Во время переговоров о новых границах гитлеровские представители выразили готовность заключить соглашение о «взаимной» защите национальных меньшинств. По этому вопросу велись переговоры во время октябрьского визита Хвалковского в Берлин, а 20 ноября даже было подписано соответствующее соглашение. На практике, однако, чехи, находившиеся на территории, переданной Гитлеру, не получили никаких прав.

Таким образом, правительству Гахи — Берана — Хвалковского фактически ничего не удалось добиться от Гитлера. И хотя это правительство сделало гораздо больше для гитлеровцев, чем от него требовал мюнхенский ультиматум, оно напрасно добивалось выполнения обещаний, содержащихся в этом документе, и прежде всего гарантий новых границ Чехословакии.

Ссылаясь на свое предложение от 19 сентября 1938 г., правительства Англии и Франции указали в приложении к Мюнхенскому соглашению, что они обязуются присоединиться к международным гарантиям новых границ Чехословакии в случае неспровоцированной агрессии. Германия и Италия согласились дать такие гарантии лишь после урегулирования вопроса о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии. Но когда это «урегулирование», в результате Венского арбитража и захвата пилсудчиками Тешинской области, было осуществлено, Гитлер, как обычно, не проявил никакого стремления сдержать данное им обещание. Западные державы в свою очередь ничего не предприняли для того, чтобы заставить Германию выполнить хотя бы это минимальное обязательство по отношению к Чехословакии.

¹⁷ DGFP, vol. IV, № 158—159, p. 190—202; № 161, p. 203—206.

Англия и Франция продолжали настойчиво демонстрировать свое стремление идти дальше по пути, намеченному в Мюнхене. Как известно, 1 ноября, выступая в палате общин, Чемберлен подчеркнул, что германская экспансия в Юго-Восточной Европе, экономика которой, по его словам, представляет собой дополнение к экономике Германии, встречает полное понимание английского правительства¹⁸. 6 декабря французское правительство подписало с гитлеровской Германией декларацию о сотрудничестве. В конце года в Берлине начались англо-германские переговоры о заключении военно-морского соглашения, в ходе которых Германия потребовала полного равенства морских вооружений, в особенности в подводных лодках. Согласно официальному коммюнике, эти переговоры проходили «в самой дружественной атмосфере»¹⁹. Предпринятые в это время многочисленные попытки экономического сближения английских и немецких монополий также свидетельствовали, что западные державы не были по-настоящему заинтересованы в предоставлении Чехословакии гарантий. Стремление пражского правительства добиться гарантий рассматривалось западными державами как крайне неприятная назойливость. Правда, 24 ноября 1938 г. на совещании в Париже Чемберлен предложил, чтобы гарантии Чехословакии были предоставлены всеми четырьмя участниками Мюнхенской конференции одновременно²⁰. Но Чемберлен отнюдь не стремился вступить по данному вопросу в спор с Германией, нежелание которой присоединиться к гарантиям было совершенно очевидным. В декабре во время франко-германских переговоров французское правительство без возражений приняло к сведению уклончивый ответ Риббентропа на запрос о чехословацких границах²¹.

В феврале 1939 г. английский правительство начало весьма неуверенный зондаж Германии по вопросу о гарантиях чехословацких границ. Одновременно Хвалковский в беседе с немецким посланником в Праге попытался сдвинуть этот вопрос с мертвой точки. Он подчеркнул, что на основе этих гарантий Чехословакия могла бы денонсировать договоры с Францией и СССР, которые в результате Мюнхена практически уже не существовали, и выйти из Лиги наций. Хвалковский указал и на то, что Чехословакия могла бы вступить в антикоммунистический пакт²². Поскольку гитлеровцы игнорировали запрос Хвалковского, пражское правительство решилось на малоэффективный жест: оно разослало участникам Мюнхенской конференции меморандум, в котором ссылалось на их обязательства предоставить Чехословакии гарантии и обязывалось соблюдать полный нейтралитет. Однако гитлеровцы усмотрели в этом довольно несмелом выступлении попытку выйти из-под немецкого контроля и решительно выступили против²³. Они сообщили западным дипломатам, что о гарантиях не может быть и речи до тех пор, пока Чехословакия не докажет на деле, что ее внутреннее положение и ее отношение к соседям коренным образом улучшились²⁴. Правительства западных держав удовлетворились этим ответом, хотя он был сформулирован в оскорбительном для них тоне, и отложили вопрос о гарантиях в долгий ящик.

Предательская по отношению к Чехословакии позиция западных держав нашла свое выражение и в связи с другим обязательством, взятым ими на себя в период Мюнхена. Еще накануне Мюнхена представители Запада в ходе переговоров с чехословацким правительством подчеркивали, что оказание Чехословакии финансовой помощи в целях реорганизации

¹⁸ «House of Commons. Debates 1938», vol. 340, col. 73—89.

¹⁹ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939» (далее — DBFP). Third Series, vol. III. London, 1950, № 453, p. 455.

²⁰ DBFP, vol. III, № 325, p. 300—306.

²¹ DGFP, vol. IV, № 370, p. 471—477.

²² DGFP, vol. IV, № 169, p. 213—215.

²³ DGFP, vol. IV, № 171, p. 215—216; № 177, p. 221—224.

²⁴ DGFP, vol. IV, № 175, p. 218—220.

экономики после уступки этой страной пограничных районов является для них само собой разумеющимся делом. 3 октября это обещание торжественно повторил в палате общин Чемберлен, заявивший, что Великобритания предоставит Чехословакии большой заем в связи с той жертвой, на которую она пошла в интересах мира во всем мире. Он заявил также о немедленном предоставлении Чехословакии первого взноса в размере 10 млн. ф. ст.²⁵ Чехословацкое правительство оценивало свои потери в 40 млрд. крон и добивалось займа в 25 млрд. крон²⁶.

Сразу же после Мюнхена в Лондон была направлена делегация для переговоров о размерах и условиях займа, обещанного Чемберленом. Уже с самого начала переговоры натолкнулись на большие трудности. Английские капиталисты, которые до этого с такой охотой отдавали Гитлеру чехословацкую территорию, проявили к своей жертве такое отношение, которое было охарактеризовано в сообщении чехословацкого посла в Лондоне как «щейлоковское»²⁷. Английский банк не решился выделить Чехословакии даже те 10 млн. ф. ст., о предоставлении которых столь торжественно объявил Чемберлен. Было найдено такое оправдание: дескать, Чехословакия так или иначе попадет во все большую зависимость от Германии и поэтому невыгодно предоставлять ей какую-либо помощь²⁸. После длительных переговоров французское правительство наконец сообщило чехословацкому посольству в Париже, что, учитывая возможности Запада и развитие международной обстановки, Чехословакия может рассчитывать на получение у английских и французских капиталистов лишь не более чем 8 млн. ф. ст.²⁹ Однако практически Чехословакия так и не получила этих 8 млн. ф. ст. Правда, в виде «дара» было выделено еще 4 млн. ф. ст. для помощи живущим на Западе беженцам из пограничных районов Чехословакии. Но и эти деньги в Чехословакию не попали. Английское правительство использовало значительную их часть для того, чтобы во время войны удовлетворить претензии проживающих в Англии владельцев выкупленных ранее чехословацких займов. После войны же оно потребовало от Чехословакии оплаты этого займа.

Отсутствие эффективной поддержки Чехословакии со стороны западных держав, связанное с их стремлением во что бы то ни стало направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза, позволило Гитлеру усилить подготовку окончательного захвата этой страны. Никакие уступки фашистского правительства Гахи — Берана — Хвалковского не в состоянии были сдержать агрессивные устремления Германии.

Еще 10 октября 1938 г. Гитлер отдал верховному командованию германской армии приказ разработать план полного покорения Чехословакии. 14 октября на совещании с хозяйственными руководителями гитлеровской Германии Геринг дал указание целиком включить чешские земли и Словакию в систему германской экономики и обеспечить их безжалостную эксплуатацию в интересах германских монополий. 21 октября Гитлер подписал приказ о насильственной ликвидации остатков чешского государства; эта директива явилась дальнейшим развитием пресловутого плана «Грюн»³⁰. 17 декабря того же года был разработан более подробный план этой операции, которая была задумана как акция, осуществляемая «только вооруженными силами мирного времени без специальной мобилизации германских вооруженных сил»³¹.

²⁵ «House of Commons. Debates 1938», vol. 339, col. 46—47.

²⁶ Накануне Мюнхена один фунт стерлингов равнялся приблизительно 130 чешским кронам.

²⁷ AMZV, Londýn, 19.XII.1938.

²⁸ AMZV. Sifry Paříž, 2, 3.XI.1938.

²⁹ AMZV. Sifry Paříž, 6, 19, 26.I.1939. Londýn, 24.I.1939.

³⁰ «Nazi Conspiracy and Aggression» (далее — NCA), vol. III. Washington, 1946, p. 370, 375—376; DGFP, vol. IV, № 81, p. 99—100.

³¹ DGFP, vol. IV, № 152, p. 185—186.

Как и в сентябре 1938 г., Гитлер стремился создать благоприятную для себя обстановку, используя в подрывных целях выступления немецких фашистов в неоккупированной части Чехословакии. Нацисты из немецкого меньшинства должны были спровоцировать под руководством гитлеровца Кундта ряд инцидентов, создавая предлог для дальнейшего вмешательства во внутренние дела Чехословакии. Гитлеровская печать в Германии получила указание широко освещать эти инциденты, преувеличивать их значение и даже придумывать их в тех случаях, когда эти провокации не удавалось осуществить. Количество подобных провокаций особенно быстро начало возрастать с января 1939 г.

По расчету Гитлера значительную роль в окончательном захвате Чехословакии должны были также сыграть словацкие фашисты, представители которых в пражском правительстве стремились поставить политику Чехословакии в еще большую зависимость от Германии. В самой Словакии их лидеры тесно сотрудничали с фашистским руководством немецкого меньшинства, которое по указаниям из Берлина поддерживало стремления словацких шовинистов к полному отторжению Словакии от Чехословацкой республики и присоединению к Словакии значительной части юго-восточной Моравии. Это, однако, не помешало гитлеровцам поддерживать направленные против Словакии планы хортистских агрессоров. Гитлеровцы, кроме того, захватили после Мюнхена гору Девин (в юго-западной части Словакии), которую словацкие фашисты считали важной в стратегическом отношении составной частью Словакии. Нацисты неоднократно заявляли также, что они считают Братиславу немецким городом и собираются его оккупировать.

Когда подготовка к выступлению против Чехословакии была закончена, Гитлер 12 февраля вызвал к себе представителя наиболее реакционного крыла словацких фашистов Войтеха Туку, который в домюнхенской республике был осужден за измену родине и шпионаж в пользу Венгрии и освобожден Бенешем незадолго до Мюнхена. Гитлер открыто заявил Туке о своей ненависти к чехам и к растущему в чешском народе патристическому, демократическому движению. Так как чехи, продолжал Гитлер, не хотят в соответствии с его желанием стать «передовым бастионом Европы против большевизма», он, Гитлер, не намерен больше мириться с существованием Чехословакии. Он предлагает гарантировать самостоятельность Словакии при условии, если словаки вовремя сумеют ликвидировать свои связи с чехами. Гитлер пригрозил далее, что в противном случае Словакия будет отдана Хорти³².

По приказу Гитлера, переданного через Туку, словацкие фашисты начали усиленно шантажировать пражское правительство. В начале марта они предложили, чтобы доля поступлений из Словакии в общегосударственный бюджет была сокращена, а экономическая помощь чешских земель Словакии увеличена. Они потребовали еще большего участия в руководстве государством в целом и устранения лиц, которые недостаточно благожелательно относились к их требованиям. Они подробно информировали об этом своем выступлении немецкую миссию, откровенно отметив при этом, что требования, выдвинутые по указанию Гитлера, должны послужить предлогом для уничтожения Чехословакии³³.

Во время этих переговоров среди словацких фашистов наметились определенные противоречия. Группа, во главе которой стояли Тука и Дюрчанский, безоговорочно выполняла приказы Гитлера. Группа же Сидора, находившаяся под влиянием Ватикана, стремилась к сохранению чехословацкого единства при условии усиления в нем влияния церкви.

Так как словацкие фашисты в ходе переговоров с чешскими министрами ссылались на обещания и указания Геринга и других гитлеровских

³² DGFP, vol. IV, № 168, p. 210—213.

³³ DGFP, vol. IV, № 180, p. 226—227.

лидеров, Хвалковский обратился за разъяснением в германскую миссию. При этом он раболепно уверял представителя Германии, что, «если Берлин пожелал бы существования независимой Словакии, Прага вынуждена была бы согласиться на это без возражений»³⁴. Однако германское правительство стремилось довести дело до конфликта. Поэтому оно лицемерно ответило, что пражское правительство должно поступать по своему собственному усмотрению. На запрос чехословацких властей, обеспокоенных тем, что в пограничных районах начали распространяться слухи о скором вторжении гитлеровцев в оставшуюся часть Чехии и Моравии, германские дипломаты в Праге и в Берлине ответили, что такие планы якобы не существуют³⁵.

Правительство Гахи сочло этот ответ за согласие Берлина разрешить конфликт со словацкими фашистами, сохранив единство Чехословакии. По мнению пражского правительства, основой возможного компромисса могла стать позиция, занимаемая ватиканским крылом словацких фашистов. 10 марта 1939 г. были смещены словацкие министры-сепаратисты во главе с Тисо и начаты переговоры о создании нового словацкого правительства. Одновременно правительственные войска заняли важнейшие центры Словакии. Словацкие шовинисты, однако, нашли прибежище в Вене. Германское министерство иностранных дел объяснило этот факт западным дипломатам лицемерными ссылками на то, что Австрия сохраняет-де в значительной степени свою независимость и что Берлин не намерен вмешиваться в чехословацкие вопросы. Однако 11 марта в Братиславу был послан видный нацист Кеплер, которому было поручено организовать отторжение Словакии от Чехии и заставить словацкое правительство обратиться с призывом о «помощи» к Берлину. В Братиславе он попытался организовать античешские выступления. 90% участников этих демонстраций составляли немецкие фашисты, переброшенные из Вены. Тем не менее 12 марта Кеплер вынужден был сообщить, что все попытки вызвать серьезные столкновения не удалось, так как чешские войска продолжают оставаться хозяевами положения и ведут себя крайне сдержанно. Он сообщил, что в этих условиях необходимо использовать против Чехословакии прямое насилие³⁶.

К этому времени германское верховное командование по приказу Гитлера согласовало с министерством иностранных дел вопрос, в каком духе необходимо сформулировать ультиматум чехословацкому правительству³⁷. Одновременно германские фашисты по указанию из Берлина организовали в Чехословакии ряд провокаций, стремясь вызвать ответные выступления чешского населения и тем самым создать предлог для вмешательства. Как и в сентябре 1938 г., германская печать и радио уже заранее заготовили сообщения с ужасающими подробностями о кровавых столкновениях чешского народа с немцами и били тревогу, призывая генлейновцев выступить в Брно, Йиглаве и Праге в защиту германских террористов.

Донесения гитлеровских агентов, которые получала германская миссия в Праге, свидетельствовали о неудаче этих провокаций. Так, например, в сообщении от 12 марта говорилось, что «чехи повсюду ведут себя совершенно корректно и даже уступчиво». По сообщению от 13 марта, «среди чехов очень трудно было вызвать погромные настроения. Необходимо предпринять больше актов насилия для того, чтобы вызвать серьезные инциденты». Эти донесения свидетельствовали о подготовке целого ряда серьезных выступлений, которые должны были создать впечатление гражданской войны. Вся эта операция получила условное обозначение «Эрзатц-тайль»³⁸.

³⁴ DGFP, vol. IV, № 184, p. 230—231.

³⁵ DGFP, vol. IV, № 156, p. 188—189; № 185, p. 232—233.

³⁶ E. Kordt. Wahn und Wirklichkeit. Stuttgart, 1948, S. 144.

³⁷ DGFP, vol. IV, № 188, p. 234—235.

³⁸ DGFP, vol. IV, № 189, p. 235—236; № 197, p. 240.

Поскольку попытки немецких фашистов создать повод для интервенции не удалось, они решили не затруднять себя выбором предложения.

13 марта Гитлер вызвал к себе премьера распущенного словацкого правительства Тисо. Он заявил ему, что Чехословакия в ответ на «великодушные», которое было проявлено к ней в Мюнхене, отплатила «неблагодарностью». Поэтому он больше не может мириться с тем, как ведут себя чехи. В то же время Гитлер обрушился и на Словакию, упрекая ее в неблагодарности, и заявил, что больше не может ее защищать от захвата хортистами. Поэтому необходимо, чтобы Словакия объявила себя самостоятельным государством³⁹.

Тисо вернулся в Братиславу и охотно начал выполнять полученные им в Берлине приказы. Фашистско-клерикальные деятели собрали сейм, который по указанию Гитлера провозгласил «самостоятельное» словацкое государство. Сколь мало, однако, гитлеровцы считались с этим марионеточным сеймом, свидетельствует тот факт, что еще за неделю до этого немецкие журналисты в Братиславе открыто заявляли, что «никакое обсуждение в словацком сейме не может помешать провозглашению словацкой независимости»⁴⁰. А когда на заседании сейма некоторые депутаты попытались обсуждать приказ Гитлера, представитель немецкого фашистского меньшинства Кармазин положил конец этой дискуссии, заявив, что германские войска находятся уже на пути к Острове и что, если словаки не будут достаточно осторожными, гитлеровцы могут занять и Братиславу. После этого декларация о «независимости» Словакии, проект которой Тисо привез из Берлина, была принята.

Вслед за этим о своей независимости заявило также и правительство Закарпатской Украины, которое обратилось к Гитлеру с просьбой о «защите». Однако германское правительство еще до этого сообщило Хорти, что оно не возражает против захвата им Закарпатской Украины. Напрасно закарпатские фашисты надеялись, что гитлеровцы выполнят свои обещания. Гитлеровцы отдали Закарпатскую Украину на произвол хортистам.

В связи с отторжением Словакии волна античешской кампании в Германии еще более усилилась. Готовился последний акт гитлеровской агрессии, направленной против Чехословакии. Германия прервала все отношения с пражским правительством. Германская миссия в Праге получила приказ не принимать от чешского правительства в течение ближайших дней никаких документов и прервать с ним все отношения. Когда Хвалковский смиренно спросил германского представителя в Праге о позиции его правительства, тот пренебрежительно ответил ему, что чешское правительство само несет ответственность за сложившуюся обстановку, так как оно не сумело добиться коренного перелома в своей политике, как этого требовал Гитлер⁴¹. Хвалковский лишь униженно извинялся и оправдывался, говоря, что он сделал все для того, чтобы добиться такого перелома, и вслед за этим направил немецкому посланнику письмо, в котором просил, чтобы он и Гаха были приняты Гитлером.

В то время как оба представителя обанкротившейся предательской чешской буржуазии ехали в Берлин, германские войска уже заняли Оставу и ряд пограничных с Польшей районов Чехословакии. Оказанное некоторыми чешскими воинскими частями сопротивление носило изолированный характер, так как деятельность всего государственного аппарата, руководимого буржуазным правительством, была направлена на то, чтобы осуществить новую, еще более позорную капитуляцию.

Внешне законную форму этой капитуляции должны были придать переговоры Гахи и Хвалковского с Гитлером в ночь с 14 на 15 марта 1939 г. Гаха в начале переговоров признался в том, что, как старый австрийский чиновник, он никогда не верил в возможность самостоятельного существо-

³⁹ DGFP, vol. IV, № 202, p. 243—245.

⁴⁰ DBFP, vol. IV, № 450, p. 407.

⁴¹ DGFP, vol. IV, № 204, p. 247; № 208, p. 249—250.

вания чехословацкого государства, не любил домюнхенскую Чехословакию за ее демократизм, и подчеркивал свои заслуги, ссылаясь на то, что он помогал генлейновцам разбить республику. Он заявил, что передает судьбу Чехословацкой республики в руки Гитлера. Но ответом на эту демонстрацию рабской покорности был поток оскорблений по адресу чешского народа. При этом Гитлер сообщил, что он уже дал германским войскам приказ занять Чехию и Моравию и включить их в состав Германской империи. От Гаха он требовал лишь предотвращения какого бы то ни было сопротивления. Гаха в ответ на эти неслыханные требования ограничился лишь несмелыми ссылками на технические трудности, которые делают невозможным выполнение этого приказа. Однако Гитлер отверг все его возражения, а Геринг пригрозил, что германская авиация немедленно уничтожит все чешские города (интересно отметить, что в эти дни стояла погода, не позволявшая германской авиации подняться в воздух). Тогда Гаха и Хвалковский незаконно и вопреки конституции приняли предъявленный им ультиматум, обязывающий их полностью разоружить чехословацкую армию, передать все оружие и военное снаряжение в руки гитлеровцев, полностью сохранять порядок и нормальный ход хозяйственной и государственной жизни, и подписали декларацию, в которой говорилось, что они передают судьбу чехов в руки Гитлера⁴².

Но их подпись лишь задним числом санкционировала агрессивное вторжение германских войск, которые в это время уже продвигались по территории оставшейся части Чехии и Моравии. 15 марта было опубликовано сообщение Гаха о капитуляции, а на другой день по решению Гитлера был создан так называемый протекторат. «Чехословакия перестала существовать» — такими словами начинался оскорбительный и лживый документ, вводивший в чешских землях колониальные порядки. Правительство капиталистов-изменников встретило пришедших в Прагу оккупантов с рабскими почестями. Чешский народ встретил их с гневом и возмущением, с твердо сжатыми кулаками.

О подготовке гитлеровского вторжения в Чехословакию правительства западных держав знали еще 5 февраля. Французский посланник в Берлине получил точную информацию о предстоящих событиях, которые разыгались 14 и 15 марта⁴³. Однако западные империалисты не помешали этому. Скорее наоборот. Когда 13 марта обстановка обострилась настолько, что можно было ожидать насильственного решения конфликта, английское и французское правительства дали указание своим представителям в Берлине «настоятельно рекомендовать» чехословацкой миссии занять сдержанную позицию по отношению к Германии и установить прямой контакт между пражским правительством и Берлином⁴⁴. Английское министерство иностранных дел в тот же день в специальном заявлении констатировало, что у правительства Англии нет оснований вмешиваться в дальнейшее развитие событий в Чехословакии, и указывало на опасность каких-либо попыток помешать вооруженному выступлению Гитлера⁴⁵. Английский посол в Берлине, известный мюнхенец Гендерсон, подчеркнул 14 марта в беседе с одним из руководителей германского министерства иностранных дел, что его правительство отнюдь не стремится вмешиваться в чехословацкий вопрос, и лишь просил Германию не предпринимать ничего, что помешало бы намечаемому визиту английского министра торговли в Берлин⁴⁶. Когда же 15 марта французское правительство запросило английское правительство, намерено ли оно предпринять какой-либо демарш, последнее дало отрицательный ответ⁴⁷. Накануне этого запроса Боннэ сказал английскому послу, что чехословацкое государство явно не

⁴² DGFP, vol. IV, № 228, p. 263—269.

⁴³ «Livres jaunes français. Documents diplomatiques 1938—1939». № 65.

⁴⁴ DBFP, vol. IV, № 220, p. 232.

⁴⁵ DBFP, vol. IV, № 230, p. 238—241.

⁴⁶ J. Wheeler Bennett. Munich; Prologue to tragedy. London, 1948, p. 353

⁴⁷ DBFP, vol. IV, № 277, p. 266—268.

в состоянии сохранять самостоятельное существование⁴⁸. Получив сообщение об уничтожении Чехословакии, Галифакс с чувством облегчения заметил, что эти события имеют для западных держав и свою «хорошую сторону»: «естественным путем» ликвидировано обязательство гарантировать чехословацкие границы, которое становилось для западных держав «довольно тягостным»⁴⁹. В таком же духе выступил в тот же день в палате общин Чемберлен. Он утверждал, будто в результате того, что Чехословакия перестала существовать, английское правительство освободилось от своих обязанностей по отношению к ней. Английское правительство дало указание Английскому банку прекратить платежи по упомянутому выше займу Чехословакии⁵⁰.

Еще 15 марта вечером Галифакс сообщил французскому послу, что английское правительство не намерено предпринимать никаких шагов, за исключением, быть может, отмены официального визита министра торговли в Берлин. На другой день Чемберлен сообщил в палате общин, что его правительство не выступило с протестом. Он также отказался дать твердые заверения в том, что правительство намерено протестовать⁵¹.

Официальная делегация английских финансистов и промышленников которая обсуждала в Дюссельдорфе с крупнейшими германскими капиталистами вопрос о расширении взаимного сотрудничества, после сообщения об оккупации Чехословакии продолжала вести переговоры. Проконсультировавшись с правительственными органами в Лондоне, английские представители подписали предварительное соглашение, облегчавшее Германии получение сырья и западной валюты. Даже нацисты были удивлены подобной предупредительностью⁵².

Все же бесцеремонный захват немецкими фашистами территории Чехословакии, вызвавший возмущение широких общественных кругов, проведенный к тому же без предварительного соглашения с западными державами, серьезно обеспокоил правительства Англии и Франции. Оккупация Чехословакии привела к крупному изменению соотношения сил в Европе в ущерб Англии и Франции. Вызывала настороженность этих стран также передача Закарпатской Украины хортистам, состоявшаяся, как отмечалось выше, незадолго до оккупации Чехословакии. Все это побудило правительства Англии и Франции предпринять некоторые меры с целью заставить Гитлера считаться с их интересами. Французское правительство 15 марта вынуждено было поручить своему послу в Берлине выступить с протестом. Но этот протест был направлен не против насильственных действий по отношению к Чехословакии, а против «грубого нарушения буквы и духа соглашений, заключенных в Мюнхене»⁵³. Английское правительство лишь 17 марта решилось выступить с протестом. Оно сообщило Берлину, что «рассматривает события последних дней как полную ликвидацию Мюнхенского соглашения»⁵⁴.

Несмотря на этот протест, английское правительство спустя несколько дней согласилось передать гитлеровцам золото, которое Чехословацкий национальный банк, стремясь спасти его от Гитлера, поместил в Международном банке в Базеле и предоставил право распоряжаться этим золотом Английскому банку. Таковы были те авансы, которые делали за чужой счет Гитлеру английские мюнхенцы. Они твердо надеялись на за-

⁴⁸ DBFP, vol. IV, № 234, p. 243.

⁴⁹ DBFP, vol. IV, № 280, p. 272—273.

⁵⁰ DBFP, vol. IV, № 287, p. 277—278.

⁵¹ «House of Commons Debates», 16.III.1939, col. 614.

⁵² P. Einzig. *App easement. Before, During and After the War.* London, 1942, p. 115—120.

⁵³ DBFP, vol. IV, № 278, p. 269.

⁵⁴ DBFP, vol. IV, № 297—298, p. 283—285; № 308, p. 291.

ключение сделки с Гитлером, в результате которой гитлеровская агрессия будет направлена на Восток.

Наиболее решительно против нового международного преступления гитлеровцев выступил Советский Союз. В ответ на германскую ноту, в которой Гитлер сообщил всем странам о прекращении существования Чехословакии, советское правительство заявило, что оно отвергает лживые вымыслы о чехословацком народе и о его истории, отрицает конституционность и законность подписанного Гахой документа, открывшего путь гитлеровским войскам. Советское правительство подчеркнуло следующее: «При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа, оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными... Ввиду изложенного Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов»⁵⁵.

Таким образом, в то время как западные державы лишь ссылались на мюнхенские решения, стремясь добиться восстановления господствовавшего в них «умиротворенческого» духа, Советский Союз совершенно ясно выступил на стороне порабощенного чешского и словацкого народов, защищая их жизненные интересы и принцип самоопределения наций, столь нагло попранные Гитлером.

15 марта не положило предел стремлению гитлеровского фашизма полностью уничтожить чешский и словацкий народы. Вопреки обещаниям, данным Тисо и Гахе во время переговоров 13 и 14 марта, гитлеровские власти сразу же после вторжения в Чехословакию начали подготовку к истреблению чехов и словаков. И хотя гитлеровская Германия подписала 23 марта с так называемым Словацким государством договор, в соответствии с которым она брала на себя «защиту» этого искусственного формирования, она не предприняла ничего для того, чтобы помешать хортистским отрядам захватить значительную часть восточной Словакии. Сами же гитлеровцы закрепили за собой право на военную оккупацию района вдоль западной границы Словакии.

В политической инструкции Гитлера верховному командованию германской армии, изданной спустя два дня после заключения упомянутого германо-словацкого договора, отмечалось, что «неясно, сколь долго фюрер будет считать себя связанным договором, который он заключил со Словакией... В подходящее время фюрер хочет освободиться от этого обязательства. Тогда он использует Словакию как объект торговли при переговорах между Германией, Польшей и Венгрией». Эта инструкция предусматривала такое расчленение Словакии, при котором территорию на запад от Нитры захватила бы Германия, а восточная часть Словакии была бы передана Хорти⁵⁶. В дальнейшем война с Польшей и нападение на Советский Союз лишь отсрочили осуществление этого намерения, о чем свидетельствует сопровождавшееся зверскими жестокостями по отношению к словацкому населению вторжение германских войск на территорию Словакии в 1944 г.

В чешских землях сразу же после оккупации начались аресты коммунистов и других патриотически и демократически настроенных лиц. Целью этих арестов было не только помешать разворачиванию движения Сопротивления. Они явились началом осуществления планов постепенного физического уничтожения всего чешского народа⁵⁷.

⁵⁵ «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV. М., 1946, стр. 411.

⁵⁶ NSA, vol. VIII, p. 83—86.

⁵⁷ Уже 12 июля 1939 г. командующий немецкими войсками в Чехии и Моравии генерал Фридеричи разработал план германизации чешского народа, предусматривавший расселение чехов среди немцев с тем, чтобы во втором поколении чешский

Ответственность за все это несли также и те представители чешской буржуазии во главе с Гахой, которые сотрудничали с оккупантами и помогали им в порабощении своего народа. Сами они теряли одну позицию за другой. Чешская буржуазия, действия которой помогли гитлеровцам захватить чешские земли, была лишена в итоге политической власти. Она потеряла в значительной мере и свою экономическую базу, а также свое влияние на народ.

В ходе борьбы против Мюнхена и его последствий руководящая роль прочно перешла в руки рабочего класса и его коммунистической партии. Только коммунисты выступили против мюнхенской капитуляции и режима так называемой второй республики Гахи и Берана. Только коммунистическая партия не капитулировала после вторжения Гитлера, продолжая призывать трудящихся и всю нацию к борьбе за изгнание оккупантов, уничтожение фашизма и установление в Чехословакии такой свободы, где не было бы места господству буржуазии и ее прислужников.

В ответ на циничное утверждение оккупантов о том, что «Чехословакия перестала существовать», Коммунистическая партия Чехословакии заявила: «История чешского и словацкого народов не кончается 15 и 16 марта 1939 года. Было бы ошибкой, если бы из того факта, что чешский правящий класс капитулировал без боя, а словацкая буржуазия даже добровольно влезла в гитлеровский хомут, мир решил, что чешский и словацкий народы одобряют это позорное поведение господствующего класса. Ни в коем случае! Чешский и словацкий народы будут продолжать в подполье свою борьбу против режима оккупантов и колонизаторов, против чужеземного господства фашистской Германии...

Но наиболее сильной поддержкой для народных масс Чехословакии является глубокое сознание того, что великая, могучая, непобедимая страна — Советский Союз, страна социализма, страна будущего — на их стороне, на стороне права, правды и справедливости»⁵⁸.

В этих словах было выражено основное направление дальнейшей борьбы, та цель, к достижению которой вела народ коммунистическая партия: не возврат к буржуазной Чехословакии, а борьба за народную, социалистическую Чехословакию, опирающуюся на Советский Союз и силы прогресса во всем мире.

народ был германизирован. В октябре 1940 г. в этот план были внесены каннибальские изменения. Наряду с переселением чехов в Германию определенная часть чешского народа, в особенности интеллигенция, должна была быть уничтожена (NSA, vol. III, p. 618—619).

Год спустя Гейдрих в своем выступлении перед руководителями нацистской партии в Чехии заявил, что так называемый чешско-моравский район необходимо окончательно германизировать, причем наиболее устойчивая часть чехов должна быть истреблена, а остальные выселены и насильно германизированы («Rude pravo», 21.VI.1957). Фашистские органы, приступив к осуществлению этого плана, закрыли чешские школы и выслали сотни тысяч чехов на принудительные работы в Германию. Многие чехи были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря, где их ожидала медленная смерть, многие были убиты, на основании закона об осадном положении или вовсе без всякого суда, как это имело место в Лидице и в Лежаках.

⁵⁸ К. Готвальд. Избранные произведения, т. II (1939—1953 годы). М., 1957, стр. 13—14.

